

Татъяна Журавлева

По закону атагычества

18+

Татьяна Журавлева

По закону аталычества

«Автор»

2026

Журавлева Т.

По закону аталычества / Т. Журавлева — «Автор», 2026

Повесть о реальных событиях Великой Отечественной войны. Жители черкесского аула Бесленей совершили совместный героический подвиг, рискуя своими жизнями и жизнями своих детей. Также рассказана правдивая история в зверствах фашистов в санатории п.Теберда.

© Журавлева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
По закону аталычества.Глава 1.	6
Глава 2.	7
Глава 7.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

По закону аталычества

Глава

ТАТЬЯНА ЖУРАВЛЕВА

г. Тамбов

Повесть написана максимально близко к описываемым событиям, в ней сохранены настоящие имена героев, но... хотя еще живы некоторые участники тех событий, воспоминания их сильно разнятся, поэтому в повести есть художественный вымысел, но он не фантастика, он действительно реально приближен к тому, что в целом происходило в стране в годы войны

По закону аталычества.Глава 1.

Иван Воронин медленно брел по пустым тихим улицам Ленинграда. До чего же изменился город. Не слышно бодрого поскрипывающего на поворотах трамвая, шума автомобилей, человеческой речи, и главное, не слышно гула самого города. Каждый большой город живет своей шумной жизнью. Ранним утром город просыпается вместе с людьми, они вместе живут, решают дела, встречаются в парках, весь день носятся туда-сюда, весь день шумят, смеются, кричат, ругаются... А тут такая тишина.

Блокадный Ленинград зимой 1942 года был безмолвный. Нет света в окнах, нет никакого движения. Если Ване и попадались навстречу люди, то они шли тихо, не поднимая глаз, не разговаривая друг с другом. Тени, безмолвные тени. Голод и леденящий душу мороз сделал город глухонемым. А еще Ленинград начал вымирать, покойников было очень много, их старались убрать с улиц, понимая, что это крайне необходимо. Хоронили всех в одной большой могиле, туда же Иван отвез неделю назад мать, а чуть раньше - бабушку. Саша так и не смог сказать маме, что на отца пришла похоронка. Он понял, что нельзя ему ей это говорить, что это новое горе лишит ее сил бороться. Он все надеялся, что его молодая и сильная мама сможет встать, сможет выкарабкаться... Но последние четыре дня перед смертью она совсем уже не ела, а за день не смогла и попить воды. Она умерла во сне, ночью. «Слезы забили все глаза», - так говорила ему в детстве бабушка, а он не понимал, как это забили глаза? А теперь понял. Вот так. Когда чуть дашь себе слабинку, и они рушились потоком.

Вчера утром Иван получил повестку на фронт, он и обрадовался вроде, так как очень хотел воевать, но тут же растерялся и заметался. Куда ему деть сестру Надю и братика Витю? Сестру сразу же забрала соседка и подруга матери Валентина Николаевна, у нее своих детей не было, она работала в госпитале санитаркой, получала какой-никакой паек. Ваня отдал ей хлебные карточки сестры и ключи от их квартиры, она была значительно теплее жилища соседки, обнял их обеих, и они пошли с маленьким Витей на другой конец города.

Он нес брата на руках и боялся, что не донесет его живым. Витя был очень слаб, лицо все обветрено, губы потресканы, он спал и дышал очень тихо, а Иван все время прислушивался – дышит-не дышит. Дошли до нужного дома, зашли к бабушке Ане, родной сестре их погибшего отца, увидев ее маленькую состарившуюся, всю какую-то прозрачную от голода он сбивчиво объяснил, что у него на руках повестка, и ему некуда деть Витю. Она повздыхала, но мальчика оставила.

Теперь молодой человек, вмиг повзрослевший, шел на призывной пункт.

Глава 2.

Анна Семеновна Стрекалова очень привязалась к маленькому Вите. Они вместе жили уже два месяца. Витя был очень терпеливым, не плакал, не капризничал. Только все время спрашивал: «Бабушка, а когда за мной придет мама?» Она приветливо улыбалась и отвечала ему: «Витечка, мама работает на заводе и сильно устает, мы с тобой здесь будем ее ждать».

- А где Ваня? – не унимался Витя.

- Ваня воюет на фронте, он солдат, он бьет фашистов.

- С автоматом ?

- Конечно с оружием, у него патронов очень много, брат твой стреляет целый день!

Витя замолчал, видно, рисуя картины в своей голове, как брат стреляет, метко попадая во врага. Анна Семеновна гладила его по голове, прижимая к себе, чтобы хоть немного согреть своим теплом. Витя вскоре засыпал. А Анна Семеновна в последнее время спать совсем не могла. Она отнесла на базар все, что имело хоть какую-то ценность, меняла вещи на продукты и дрова, надеялась, что станет полегче с пропитанием, что весеннее солнышко начнет греть пораньше, и они с Витей выживут. Но Ленинград был в плотном кольце, зима была лютая, хлеба давали все меньше и меньше. Вокруг умирали друзья, соседи, знакомые, и в какой-то момент старушка поняла, что вокруг нее самой такое же кольцо, кольцо из пустоты и безнадежности. Продавать и менять нечего, паек такой скудный, что отдавая ребенку и его и почти весь свой, он не был сытым никогда. А она, она от голода так ослабла, что не могла толкнуть входную дверь в подъезд. «Я протяну ну недели две, - думала Анна Семеновна, - а потом, что будет с ребенком? Маленький, слабый. Пропадет». Она тихо плакала и никак не могла придумать, как ей спасти мальчика.

Однажды утром она услышала по радио передачу, что в их районе в бывшем Доме культуры открывают детский дом, что первых ребятишек уже разместили по палатам, что кормят детей горячим супом и что в штате детского дома есть даже врачи. Принимали туда детишек, у кого не осталось ни матери, ни отца. У Анны Семеновны была и справка о смерти матери Вити и похоронка с фронта на его отца. «Он выживет там, он там выживет!» - ее мысли путались, старушка очень плохо себя чувствовала в последнее время, кашляла с кровью. Сердце разрывалось от жалости к маленькому мальчику, вокруг которого будут только чужие люди, но она понимала, что это был для него единственный шанс выжить.

Анна Семеновна подождала, когда Витя проснется, умыла его, напоила кипятком, отдала две пайки хлеба, аккуратно одела, застегнула все пуговички на всех рубашечках и кофточках, поверх пальто обвязала своим самым теплым платком и повела по улице в сторону детского дома.

Они шли очень медленно, у обоих сил не было, Витя все время хныкал:

- Бабуля, у меня ножки болят, коленки, я совсем-совсем идти не могу.

- Малыш, потерпи, у меня тоже ножки старенькие, слышишь, как скрипят, тоже не хотят идти.

- Это снег скрипит, а не коленки.

- И снег и коленки, сейчас дойдем уже, немного осталось.

Проходя мимо старой двухэтажки, Анна Семеновна увидела санки, на которых лежал умерший человек, обвязанный старыми тряпками. Труп был вытянутый, длинный, худой.

«Боже мой. Это все, что осталось от человека. Ужас. Была жизнь, были движения, тело было гибкое, могло бежать, плавать, сидеть, лазить по горам, да, все, что угодно могло делать, а теперь лежит, вытянутое, неподвижное», - со слезами на глазах думала старушка. И до того ей стало жалко и этого незнакомого человека, и себя, и маленького своего внука Витю, и всех,

кого она знала, всех, кто был жив сейчас и всех, кого уже не вернешь. Плечи затряслись, слезы хлынули по ее щекам.

- Бабуля, бабуля, - она медленно возвращалась к реальности, - бабуля, у меня болят ножки, отвези меня на этих саночках.

- Нет, Витя, никак не могу, не могу, пойдем, - она запричитала, забормотала, сама не понимая, как ему объяснить, что это просто невозможно, стащить и бросить на снег, на холод этого умершего человека, - мы уже почти дошли, мы идем вон в тот дом с красивыми колоннами.

Они вошли в большую просторную комнату, в которой было тепло и пахло едой. Анна Семеновна объяснила свою ситуацию, что мальчик сирота, что ей семьдесят три года, и что она очень боится, что ребенок останется один, так как сил у нее нет. Говорила сбивчиво, как будто чего-то стеснясь. Витя крепко-крепко держал ее за руку, и столько страха и отчаяния чувствовала она через это рукопожатие, что сердце у нее упало куда-то вниз. «Господи, как я его тут оставляю, одного, маленького!?»

Женщина, сидящая за столом, устало смотрела на нее, потом взяла папку и спокойно спросила бабушку:

- Фамилия, имя, отчество ребенка.

- Воронин Виктор Андреевич.

- Сколько лет?

- Шесть.

- Документы на Витю и его родителей у вас с собой?

- Да, я все принесла.

- Давайте мне. У ребенка есть братья, сестры?

- Брат на фронте воюет, сестра – здесь, в Ленинграде, у соседей семьи осталась.

- Вы не корите себя. Все вы сделали правильно. Голодно и у нас тут, но ребенок выживет, и еще мы ждем очередь на эвакуацию. Детей вывезут на Кавказ, где тепло и нет войны. Вы приходите к нам, к нему. Если что-то поменяется в вашей жизни, вы его сможете всегда забрать. Если он поедет в эвакуацию, обязательно сообщим, где мы будем. Меня зовут Прокина Светлана Васильевна. Вы всегда меня сможете найти.

- Спасибо, Светлана Васильевна. Легче стало на душе.

- Катя, Катя, иди сюда.

Прибежала маленькая светленькая девочка, Витиных лет. Улыбчивая, голубоглазая, смышлёная.

- Катюша, отведи Витю на кухню, попроси Тамару Петровну покормить его, ладно?

Девочка взяла Витю за руку и, улыбаясь, сказала:

- Пошли, мне столько тебе нужно всего показать. А бабуля придет к тебе завтра.

Витя глянул на бабушку снизу вверх, помахал ей рукой и пошел за девочкой.

Анна Семеновна вышла из здания с чувством выполненного долга, она убеждала себя, что все сделала правильно, а что было бы с Витей, если вдруг она, также, как и многие ее знакомые, тихо умрет во сне? Что будет с малышом? Пожилая женщина очень долго добиралась до своего дома, очень тяжело поднималась на свой второй этаж. Голова кружилась, ноги опухли, она три дня почти ничего не ела. «Завтра схожу за своим хлебушком, маленькими кусочками поем его, запивая кипятком, и схожу к Вите, посмотрю, как малыш устроился», - подумала она, повалившись на старенький диван.

Глава 3.

Катя Иванова и Витя Воронин очень подружились. Жизнь быстро находит замену пустоте. Остались дети без родителей и близких, и тут же объединились и создали свою малень-

кую микрогруппу, в которой тепло, уютно, надежно. Они вместе играли, вместе ели, спали на соседних кроватях. Еды было не вдоволь, но тяжелого голода, который уже ранее испытал Витя, не было. Вскоре у Вити появился сосед справа – Володя Жданов. Его в детский дом привела девочка, двоюродная сестра. Он первую неделю все время плакал, ни с кем не общался. Потом подружился с Витей и рассказал ему, что, когда сестра уводила его из комнаты, там остались лежать мама и братишка.

Потом в детском доме появились сестры Катя и Женя и их старший брат Валентин. Валентин быстро сдружился с более старшими ребятами, близкими ему по возрасту, а сестренки стали большими подружками Володе, Вите и Кате Ивановой. Воспитательница Светлана Васильевна привыкла, что они всегда вместе, впятером, старалась поддерживать эту дружбу, искренне считая, что в группе малышам легче переносить все тяготы сиротства и лишений. Она часто не уходила домой ночевать, оставалась с детьми, читала им вечерами книжки, рассказывала сказки. Они сдвигали несколько кроватей рядом, Светлана Васильевна садилась в центр, дети облепляли ее со всех сторон, грея друг друга своими телами, и лежали, не шелохнувшись, слушали ее приятный ласковый голос. В ее сказках всегда все заканчивалось хорошо, правда до конца сказку вряд ли кто дослушивал, малыши, пригревшись, друг за другом засыпали, а воспитательница потом закрывала их поверх одеял старыми тулупами и шла убираться в их групповом помещении.

Так прошло два месяца. Наступила весна.

Глава 4.

Директор детского дома Егор Кузьмич Ронин ждал своей очереди на эвакуацию. Он очень нервничал, питание становилось очень скудным, дети слабели, у многих началась цинга. Болезни такие, о которых раньше Егор Кузьмич никогда не знал и не слышал. Ему и детям его детдома очень повезло с доктором. Нина Аркадьевна Ястребова в июне 1941 года закончила мединститут, диплом врача-педиатра получила, когда уже началась война. Ее не призвали на фронт, направили работать главврачом к детям. Совсем юная девочка, но умная, хваткая, любознательная и решительная. Она варила отвары из коры каких-то деревьев, отпаивала им детей, чтобы облегчить хоть как-то страдания от постоянной зубной боли и цинги. Лекарств не хватало катастрофически. Чаще всего дети к ним попадали в крайне истощенном состоянии, она цеплялась за жизнь каждого ребенка и пыталась спасти, поднять его на ноги. Не всегда ей это удавалось. На кладбище было уже двадцать семь могил, и Нина и Егор Кузьмич помнили всех детишек, воспринимая каждую детскую смерть, как огромную трагедию и большое личное горе.

Когда умерла первая пятилетняя девочка, Нина прибежала к нему в кабинет и с порога крикнула:

- Я ничего не смогла сделать! Надя была очень слабенькая, но вчера она начала улыбаться, Егор Кузьмич, я думала, что это хороший знак, что мы выкарабкаемся, а утром захожу к ней, а она уже вся холодная. Два часа назад была живой, спала, а потом я, наверное, уснула, и она, она умерла, как ее жалко. Не смогла, не смогла спасти...

Она рыдала, сидя у него за столом, сама плакала, как маленькая девчонка, слабая, беззащитная перед страшным лицом голода, который за неделю человека делает нежизнеспособным.

Егор Кузьмич попытался успокоить ее:

- Нина Аркадьевна, вы же так боролись за нее, лекарства выпросили, видно, поздно уже было, у малышки уже был путь невозврата. Так бывает. Мы, люди, часто очень малы и ничтожны перед смертью, она кого-то оставляет тут, а кого-то ублаживает и забирает с собой. Не мучьте себя, не плачьте...

- Егор Кузьмич, у маленькой девочки столько еще могло быть в жизни и плохого и хорошего, но все – ниточка жизни оборвалась. И ничего нельзя уже сделать, ничего.

Они еще долго в тот вечер сидели в кабинете и разговаривали. Нина всегда была восторженной, немного наивной, но бесконечно доброй и открытой. Она поэтому и выбрала медицинский институт, потому что очень любила помогать людям.

- Егор Кузьмич, воспитатель Зоя Петровна сегодня ездила со старшими детьми в госпиталь выступать перед ранеными, и там ей главврач, Бэлла Яковлевна, рассказала, что немецкие врачи ставят опыты над маленькими детьми. Забирают у них много крови и наблюдают – выживет ребенок или нет. Специально заражают их тяжелыми вирусными заболеваниями, потом оставляют в ледяных комнатах, засекают время – сколько организм может бороться. Что это? Как такое может делать взрослый человек, врач, с ребенком? Думаю, что мы еще многого не знаем про армию Гитлера, люди, способные на такое, оставят после себя миллионы умерщвленных, не погибших солдат и офицеров, а именно замученных, расстрелянных, уничтоженных, как мусор.

- Нина, я тоже много об этом думаю, ведь они культурная нация. Они же не дикари из джунглей, где убить другого человека ничего не стоит, для аборигенов это привычное дело, которое они видят с самого своего рождения. А тут – работают театры, в стране много писателей, поэтов, ученых, много общеобразовательных школ.

- У них ведь у каждого, Егор Кузьмич, есть свои дети, младшие братья и сестры, а такие изверги...

Они сидели долго, Егору Кузьмичу нравилась эта девочка-врач, она ему напоминала младшую сестру Марусю, которая осталась вместе с родителями в Витебске. Что теперь с ними? Немец наступал так быстро, что они не успели никуда уехать, точно остались там, в оккупации, теперь с ними нет никакой связи, а те люди, которые были в Витебске, когда вошли немецкие войска, рассказывали страшные вещи. Он старался гнать плохие мысли от себя, понимая, что сделать пока ничего нельзя. Фашисты очень быстро шли по нашей земле, занимая город за городом, их скорость захвата российских городов была чудовищна быстра. Кто мог подумать такое полгода назад? Он должен дожидаться эвакуации, вывезти детей в безопасное место, а потом что-то предпринять, чтобы узнать о судьбе мамы, сестры и бати.

Глава 5.

Юлия Евгеньевна сразу поняла, что у Нины что-то случилось на работе. Она была заплаканная, глаза распухшие, губы и нос отекавшие.

- Ниночка, что? Что случилось?

- Мамоchка, у меня опять умерла маленькая девочка, я не смогла ничего сделать. Когда я увидела ее гробик, я разрыдалась.

- Нина, я тоже хорошо помню своего первого умершего пациента. Разум отказывается понимать в такие моменты, что ничего было сделать нельзя. Вiniшь себя, некоторые вообще уходят из профессии после первого покойника. Сейчас нет у тебя времени на самобичевание. Нужно думать о других малышах. Моя родная, прими эту боль и стань сильнее.

- Мам, я все понимаю, но в голове не укладывается, что девочка была бы жива, если не война. Как можно было допустить эту войну?!

Юлия Евгеньевна напряглась, такие разговоры ни к чему хорошему привести не могли. Дочь эмоциональная, вспыльчивая, горячая. Только не обсуждение политики!

- Нина, тебя письмо ждет. От Василия. Я положила его в твою комнату на стол.

Дочь вспыхнула, стала торопливо снимать пальто, пошла в свою комнату. Она не спеша вскрыла конверт и погрузилась в чтение. Вася писал, что попал в мотострелковый полк, что они в шестидесяти километрах от фронта, что войну слышно постоянно. И еще он написал

ей, что очень скучает и постоянно о ней думает. Нина долго сидела, выпрямив спину, натянутая, как струна. Столько было нервного напряжения в ее позе, столько отчаяния и боли. Она вспоминала свое прощание с Василием и полностью погрузилась в тот вечер, в то расставание у вагона поезда...

- Нина, нас вроде определили в одну часть с парнями из нашего двора. Это же очень хорошо. Я этому так рад! А ты, Нина, как думаешь, - это же хорошо?

- Очень хорошо, - тихо сказала она и подумала, что они что-то не то говорят, что что-то очень важное замалчивается и нет слов, чтобы проговорить это, - Вася, может такое случится, что мы больше не увидимся... Нет, ты не перебивай меня! Ты должен знать, что в последнее время дороже тебя человека нет в моей жизни. Наверное, неправильно, что я это говорю тебе, девушки должны быть скромными. Но я хотела тебе это сказать, я всегда была прямая и открытая. Я буду ждать тебя всегда, каждую минуту, ты знай это...

- Ниночка, я люблю тебя, ты, ты, - в глазах у Василия стояли слезы, он нервничал, торопился, сбивался, - ты тоже знай, что я люблю тебя, давно, со второго курса. Никого нет лучше тебя.

Они обнялись и как-то неловко поцеловались, всю силу чувства передавали руки, губы еще не умели этого делать. Молодые люди крепко обнялись, и казалось, что в тот момент, не было силы, которая могла бы их оторвать друг от друга. Но поезд медленно поехал, и Вася уже бегом догонял его, чтобы запрыгнуть на ступеньки. Нина махала ему, пока поезд не превратился в точку. Как теперь жить без него девушка не знала, в тот момент казалось, что она осталась совершенно одинокой и несчастной, что не сможет прожить без Василия и дня...

Нина очнулась. Да, тогда казалось, что и дня не проживет. А вот прошло уже полгода. Они часто писали друг другу нежные письма, и она постоянно твердила себе: «Вот кончится война, и ко мне вернется с фронта муж». Нина еще раз перечитала письмо, вышла к маме.

Они потом долго сидели, обнявшись. Юлия Евгеньевна очень дорожила такими моментами, Нина все реже бывала дома, часто оставалась ночевать на работе, ей всегда казалось, что, если она будет рядом, то ничего плохого с детьми не случится. Она спасет, она поможет. Юлия Евгеньевна хотела сегодня сказать дочери, что получила повестку из военкомата. Она будет проходить службу в военно-санитарном поезде, в котором оборудована хорошая операционная. Она знала, что опытные хирурги очень нужны фронту, почти все ее коллеги уже воевали с первых дней войны. Ее не отправляли на войну из-за курсов, которые она вела в своем отделении. Ей поставили задачу в начале июля 1941 года – за три месяца подготовить высококвалифицированных фельдшеров, умеющих делать все... Она выпустила два выпуска, молодых, горячих, за все берущихся медработников, они все уже были на передовой, писали ей письма. Теперь едет на фронт и она. Юлия Евгеньевна посмотрела на уснувшую на ее плече дочь и решила, что просто напишет ей записку. Обeim так будет проще.

Глава 6.

Всю ночь Володю Жданова сильно морозило. Он никак не мог согреться. Утром его разбудили голоса друзей:

- Кать, смотри, Володя весь в пятнышках.
- И правда. И все лицо и шея. И руки. Вить, да разбуди ты его!
- Вовка, вставай. Ой, он горячий!
- Жень, беги за Ниной Аркадьевной!
- А я Светлану Васильевну позову!

Вова проснулся, сел на кровати. Стал разглядывать свои руки. Какая-то сыпь – на ладонках, даже на пальцах под ногтями. Вокруг него собралась детвора, все галдели. Светлана Васильевна всем велела отойти от Володи, сама села к нему на кровать, обняла его:

- Сейчас придет Нина Аркадьевна, спросим у нее, что с тобой.

- Я умру? У мамы вроде таких пятнышек не было перед смертью.

- Ну что ты? Это может быть диатез, ну такая детская болезнь, когда съешь что-нибудь сладкое и высыпает сыпь.

«Какое сладкое? Какой диатез, что ты несешь, - мелькнуло в голове у Светланы Васильевна. - Дети кроме черного хлеба, да жидкого пшеничного супа ничего не видят. Тут что-то другое».

- Ветрянка, - коротко бросила подошедшая Нина Аркадьевна. - В изолятор его забираю.

- Это куда еще? – забеспокоился Витя. - Не надо Вовку никуда забирать!

- Если я его оставлю здесь, завтра все такие будете. Ветрянка -острозаразное заболевание.

Где он мог ею заразиться?

- Идти можешь?

- Могу.

- Ну все, ничего с собой не бери, давай руку, потихоньку пойдем.

Ребята вмиг загрустили. Они уже знали, что если Нина Аркадьевна забирала кого-то в этот самый изолятор, то дело плохо. Многие потом не возвращались. Дети тоже по-своему как-то понимали, что такое смерть, и это вызывало страшные картинки в голове. Смерть забирает все силы у человека, делая его недвижимым, он уже не может ни улыбаться, ни говорить, ни гулять по двору. Он становится как тряпичные куклы у девочек. Ребята решили обязательно тайком навещать друга, чтобы он не превращался в тряпичную куклу, они ведь будут с ним разговаривать, и он не уснет, не станет недвижимым. А то, что смерть приходит только во сне, они не сомневались.

Глава 7.

Володя лежал в изоляторе один. Нина Аркадьевна разрисовала его всего зеленкой, долго смеялась, рассматривая потом свои художества. Сказала, что он пролежит здесь три недели, пока пятнышки не превратятся в корочки и не отпадут. Все его тело жутко чесалось, но сильно чесать было нельзя. Он мучился, но держался. Каждую ночь к изолятору прибегали его друзья. Они разговаривали через дверь, смеялись, передавая ему все новости. Володя потом весь следующий день ждал их прихода, он понял, что сначала должно стемнеть, потом должно пройти еще немного времени, и они появятся. Нина Аркадьевна знала, что они прибегают к нему, но не запрещала, просила только не подходить к нему и разговаривать через дверь.

Он очень подружился со своим доктором. Нина Аркадьевна была веселой и доброй. Один раз, правда, он видел, что она была с заплаканными глазами. Володя уже научился понимать, когда людям плохо, глаза становились у людей совсем другими. Доктор Нина ночью пошла домой навестить маму, а вместо себя оставила ночью дежурить тетю Полю, медсестру, которая всегда делала детям уколы. Утром Володя, как только увидел Нину Аркадьевну, сразу понял, что она плакала. Когда она его осматривала, он спросил, что ее так расстроило.

- Внимательный ты, брат Вовик, внимательный. Маму мою забрали на фронт. Она уже восемь дней, как работает в госпитале. Отец погиб в первую неделю войны, до сих пор не могу с этим смириться. А теперь боюсь за маму. Уехала молча, ничего мне не сказав, расстраивать, видно, не хотела. Просто написала записку, что будет работать в военном санитарном поезде. А плакала я потому, что вчера встретила мамину приятельницу из больницы, и она сказала, что несколько врачей, которые работали, как и мама, в санитарном эшелоне-госпитале погибли, их с воздуха разбомбили немецкие самолеты, хотя на поезде были нарисованы красные кресты, было абсолютно понятно, что он был не военный, а санитарный. Я очень за маму испугалась. Ведь разбомбить эшелон могут в любую минуту, как тут уберешься?

- Она же живая. Зачем плакать? Расстраиваться надо тогда, когда получишь плохие новости. Они всегда быстро доходят...

- Да уж воистину – устами младенца глаголит истина.

Доктор Нина улыбнулась, обняла Володю, начала осматривать его тело. Он ничего не понял из того, что она сказала, но почувствовал, что сумел как-то ее успокоить.

- Скоро ты вернешься к своим друзьям, дело идет на поправку.

Вова очень обрадовался. В изоляторе, конечно, кормили лучше, вечером давали не кусок хлеба с чаем, а немного каши, горячей, густой, тягучей. Володя ел ее очень медленно, потом облизывал ложку, залезая языком во все-все изгибы, потом тщательно вылизывал всю тарелку. Чувства сытости не было, каши было очень мало, но она была невероятно вкусной. Вова решил для себя, что когда кончится война, они с ребятами прямо ведро каши сварят и съедят. А не хватит ведра, еще одно сварят. Эти мысли были очень приятными, он укрылся одеялом и не заметил, как уснул.

Вечером, как обычно, прибежали друзья и сообщили главную новость - дошла очередь до их детского дома на эвакуацию, скоро они поедут в поезде.

Глава 8.

Егор Кузьмич с полчаса наблюдал из окна своего кабинета за погрузкой вещей на грузовики. Он рвался на улицу, потому что все, по его мнению, делалось не так, как надо. Но уйти с кабинета не мог, так как ждал телефонного звонка с минуту на минуту. Дверь его кабинета рывком открылась. На пороге стояла Светлана Васильевна, запыхавшаяся, с растрепанными волосами.

- Егор Кузьмич, а четыре мешка с подушками брать?

- Да зачем же мы будем тащить с собой подушки? Лучше одеяла ватные возьмите, их можно свернуть и положить под голову, ими можно укрываться. Мы же уже обговаривали это!

- Я поняла, - тихо сказала Светлана Васильевна и вышла.

«Ну зачем я так грубо? - сердце свернулось в клубок и жалобно заныло. - Можно было добрее как-то сказать». Егор Кузьмич нахмурился, выглянул в окно, решив крикнуть что-нибудь одобряющее Светлане Васильевне, когда она выйдет во двор.

Раздался резкий телефонный звонок. «Ну наконец-то! – мелькнуло в голове Егора Кузьмича, - Наконец-то!».

Он ждал звонка председателя Ленинградской городской эвакуационной комиссии Бориса Михайловича Мотылева. Борис Михайлович дружелюбно поздоровался:

- Все готово, Егор Кузьмич? Мы планируем вас отправить завтра к вечеру.

- Грузимся, поехали в госпиталь за лекарствами. Документы, детей собираем. К вечеру управимся.

- Егор Кузьмич, тут такое дело, - Борис Михайлович замолчал, как - будто боялся сказать что-то, - Мы вам еще 87 детей добавляем из дошкольного детдома № 40, - и поспешно добавил, - с ними 9 воспитателей, врач и няни. Егор Кузьмич, все понимаю, ну некуда мне детишек деть, отберем постарше, шестилеток, доедете... Ну что ты молчишь?

- Я понял, беда такая, город в блокаде, ребятишки гибнут под бомбежками. Но как их всех довезти? Почти 250 детей с моими. Эх, Борис Михайлович, как сдюжить? Как управиться?

- Егор Кузьмич, хоть какой-то шанс будет спасти их, а тут помрут ребята от голода. Да и удержим ли город – непонятно. Самим умирать не страшно, пожили, а ребята, - голос дрогнул, осип как-то, - с Божьей помощью, а, Егор Кузьмич?

- Все понял. Детей везите к нам, документы, вещи, все, что есть. Сопровождающих жду познакомиться. Здесь все ночевать будем, отсюда всем отрядом и двинем к вечеру.

Глава 9.

Нина Ястребова в госпитале битых два часа ждала главного врача. Она заглянула во многие палаты, поговорила с медсестрами, поняла, что медикаменты есть, но их немного. Она тысячу раз в голове крутила свою пламенную речь. Что ехать с детьми далеко, что дети слабые, что многие не болели ветрянкой, корью, что, не дай Бог, в дороге случится эпидемия, что нужны жаропонижающие, зеленка, лекарство от поноса. И бинты нужны и стерилизаторы и шприцы. Еще какие-нибудь обеззараживающие средства. Главное, чтобы много всего дали.

Нина не представляла себе, как она, старший врач эвакуации, справится со всем этим. Часто вспоминалось начало работы в детском доме. Сначала детей было пятьдесят шесть, дружные, ко всему приученные, они преданно и верно полюбили ее, а она всей душой их. Она научилась, когда не было медсестры, немного делать уколы, научилась лечить расстройство желудка и воспаленное горло. Она училась и привязывалась к ним. А потом детей стали привозить каждый день. Это были дети фронтовиков, дети погибших от бомбежки и умерших от голода жителей Ленинграда. Она старалась их чаще и дольше обнимать, страдала вместе с ними и очень боялась, что не выдержит и превратится просто в нюню с трясущимися руками и подбородком. Слезы всегда были близко...

- Кто приехал за медикаментами? Пройдите ко мне в кабинет.

Нина пошла туда, где была открыта дверь.

- Здравствуйте. Я из детского дома. Я хотела с вами поговорить, хотела попросить лекарств много, всяких...

Нина сбилась и смутилась. На нее смотрел пожилой доктор, лет шестидесяти, устало согнувшись.

- Мы возьмем много детей, дорога долгая, недели две, может возникнуть инфекция, дети ослаблены, истощены.

- Как вас зовут?

- Нина, Нина Аркадьевна Ястребова.

- Нина Аркадьевна, мы собрали все, что только можно, соседние госпитали тоже утром детишкам лекарства привезли. Вы повезете и несколько детей нашего медперсонала. Только довезите их, Нина, Ниночка!

Врач опустил голову. «Он очень устал», - мелькнуло в голове у Нины.

- Спасибо, спасибо, не могу найти слов, большое спасибо!

- Берегите себя, девочка! Спускайтесь во двор, сейчас начнут выносить медикаменты в коробках. Встречайте.

Нина, попрощавшись, побежала во двор. Два часа она принимала коробки с лекарствами, их складывали в два грузовика, потом накрыли брезентом. Счастливая и благодарная Нина, с чувством абсолютной победительницы, только к вечеру поехала к детскому дому.

Уже в машине Нина спохватилась, что даже не спросила, как зовут доктора, что не нашла слов, чтобы поблагодарить его. «Обязательно потом его найду и все-все ему скажу», - она твердо решила, что именно так и сделает.

Глава 10.

Егор Кузьмич зашел в актовый зал, обвел глазами всех собравшихся. Вот здесь сидят все наши, сбились в одну кучку. Сколько с ними вместе прожито. Он работает директором детского дома всего пять месяцев. В боях под Москвой в начале ноября 1941 года был ранен в руку. Тяжело ранен. Месиво было вместо руки. Руку отняли. Его списали и отправили в Ленинград руководить детским домом. Все случилось так быстро, что он толком ничего не понял. Оказавшись в стенах нового места работы, бывший фронтовик очень растерялся. С него сразу стали спрашивать: сколько грамм хлеба в пайке у детей, учатся ли семилетние, как они обеззараживают питьевую воду. Вопросы сыпались целый день, проблемы возникали вслед за вопросами. А он пытался их решать один, с коллективом, в министерстве, с руководителями заводов, в военкомате. И так каждый день с пяти утра до глубокой ночи. Шутка ли – больше ста пятидесяти детей, обездоленных, жалких, голодных мальчишек и девчонок. Сейчас ему предстояло новое дело – увезти их из города, вокруг которого безжалостный враг.

Он решил сначала довести до всех время отправки, маршрут следования, обсудить все организационные вопросы, а потом познакомиться с воспитателями из другого детского дома.

Его все внимательно слушали, что-то записывали. Разбились на группы, обсудили, кто будет старшим в каждом вагоне. Люди были собраны, малоэмоциональны. Егор Кузьмич грустно подумал, что сопровождающие все возрастные, что тяжело им будет в дороге, на чужбине. Потом спохватился: «Ну какие возрастные? Просто большое горе и подлая война превратили всех людей разного возраста в стариков и старух. Столько беды уже все увидели за этот неполный год войны, вот и потухли глаза, опустились плечи, пожелтело лицо. Ничего. Вернется детский смех и появятся на улицах беременные женщины. Жизнь и мир обязательно вернутся».

Затем познакомился поговорил и со всеми новыми педагогами. Пытался запомнить хоть кого-то по имени, но грустно потом констатировал сам себе, что не запомнил никого. «Люди все хорошие, знающие, познакомимся в пути», - решил для себя Егор Кузьмич.

Спать не ложились. Везли на станцию к эшелону в грузовиках вещи, медикаменты, продукты. Затем пришла очередь и для перевозки детей. Всех посадили в открытые грузовики, укрыли одеялами. Все молчали. Ехали по дороге жизни медленно, одна машина ровно вслед за другой. Город остался позади, весь темный, мрачный. Егор Кузьмич пытался приободрить себя, думая, что все самое тяжелое и страшное осталось позади. Впереди была неизвестность,

долгая и тяжелая дорога, но они ехали на юг, а юг России всегда называли «хлебным краем». «Ничего, все как-нибудь сложится», - думал он.

Их эшелон стоял на запасном пути. Был апрель, но ночами было холодно и сыро. Затапили печки в вагонах, чтобы дети сразу согрелись. Вагонов было четыре, раньше они были товарными, а сейчас их немного переделали для перевозки людей. Установили полки, в каждом вагоне в углу была печка-буржуйка. Приняли решение, что старшие дети будут спать на верхних полках по одному, маленькие по двое на нижних.

Своих детей и детей из другого детского дома перемешали, чтобы сдружились за дорогу. Воспитателей, нянь тоже. Один из четырех вагонов был штабным. В нем был лазарет, кухня и склад всего нужного.

Дети зашли в вагоны тихие, покорные, молчаливые. Полина Николаевна Базарова, завуч и правая рука Егора Кузьмича, вместе с ним прошла по всем вагонам, поговорила с сопровождающими и детьми.

На нижней полке увидели маленького мальчугана, он сидел один, сгорбившись, испуганный, жалкий.

- Как тебя зовут?

- Марк Сердюков.

Полина Николаевна присела к малышу на полку, обняла его, достала из кармана два цветных карандаша, протянула мальчику. Он взял подарок, широко улыбнулся, тут же стал что-то рисовать на стоящей на полу коробке.

Егор Кузьмич подозвал мальчиков из своего детдома:

- Боря, Боря Маркин и Валентин Еремин, идите сюда!

Мальчишки прибежали, возбужденные, шумные.

- Мальчики, будьте рядом с Марком, он маленький, и ему очень одиноко.

- Егор Кузьмич, а может я его к сестренкам отведу- Кате и Жене, там есть рядом полка пустая, на ней просто вещи лежат. Мы вещи на третью полку положим, и ему будет, где спать. Там еще Володя Жданов и Витя Воронин.

- Давай так и сделаем.

Полина Николаевна на прощание крикнула Марку:

- Приду попозже к тебе, посмотрю, как ты устроился!

Она взяла пустой рукав директора под руку, чтобы идти дальше, потом остановилась и грустно сказала:

- Этот мальчик в 40 детдом привезен неделю назад, не адаптировался еще, остался один живой в своей семье. Дворничиха случайно его нашла, привезла на коляске. Буду заходить к нему, а пока - пойдемте дальше.

- Полина Николаевна, иногда думаю, я, наверное, в первый раз в своей жизни в такой ситуации, когда вообще не знаю, что ждет нас впереди. Такая ответственность за этих малышей, у многих, как у этого Марка, вообще больше нет родных в живых. Как со всем этим справиться?

- Ох, Егор Кузьмич, Вы меня пугаете! Я настроилась, что мы обязательно доедем до места, довезем детишек, спасем всех и будем ждать их родителей живыми с фронта.

Директор улыбнулся глазами, нежно глядя на Полину Николаевну.

- Не так давно узнал я Вас, но поражаете Вы меня своим непробиваемо- светлым оптимизмом. Ну ничего Вас не берет, ну не прилипает к Вам грязь, боль и страх. Светлый Вы человек.

- А как по-другому с этим справиться? Все будет хорошо! И только так. Будешь верить в это, значит так и будет! – сказала она уверенно.

Они разошлись устраиваться сами по разным вагонам. Он долго думал о том, что сколько таких светлых душой людей, чистых, справедливых, может даже где-то наивных, жило вокруг

него до войны. Такой была его мама, Елизавета Карповна. Помнится, подрался с соседским мальчишкой, Юркой Карпенко, ох и крепко они тогда сцепились. Подлючий он был страсть, исподтишка все норовил всем гадости делать. Причем, гадости эти придумывал изворотливые. То девчущке с густыми кудрявыми волосами гудрон на голову нальет, то пуговицы у тулупов срежет мальчишкам в раздевалке в самый лютый мороз, то болячкой на губе специально тычется в кран, чтобы потом наблюдать, как ребята из этого крана воду пьют, прильнув к нему губами. Порвал он тогда Юрке в драке майку. Его семья была зажиточная, пасека своя была, и мать его и бабка постоянно торговали медом на рынке. Майка эта точно была не последняя. Прибежала его мамаша вместе с Юркой к ним домой и давай орать, что я, бандит, ее сыночка избил и майку изорвал. Мама молча стояла, хмурилась, потом сказала мне: «Снимай свою майку, - я обомлел. Вот у меня-то она точно была одна-единственная, из отцовской перешитая. - Отдай, - развернулась и ушла в дом.

Я потом ей рассказал, кто такой Юрка, что он небедный и маек у него полно. Но она спокойно гладила меня по голове, а потом прижала к себе и говорит: «Эх, сынок, запомни, лучше отдавать, чем брать!» И всю жизнь его мать последним делилась и отдавала все, что у нее было. Часто люди обманывали ее, взяв деньги в долг, а потом не отдавали, уверяя, что ничего она им не давала. Мама расстраивалась вроде, а потом опять давала им же в долг. И ведь последнее. Верила и помогала людям. Тоска сжала сердце. Жива ли его матушка? Он ничего не знал о ней с самого начала войны. Его семья жила в Витебске, а там уже давным-давно орудовали фрицы. Испарина выступила у него на лбу, всю грудь заложило. Ноющая тревога постоянно жила в его сердце, большая черная, испепеляющая. Вот сейчас она выпрямилась, как пружина и готова больно ударить его, наотмашь. Он научился прогонять ее на время, как-то отвлекаться. Егор Кузьмич нахмурился и решил пойти в штабной вагон, чтобы познакомиться с врачами и поварами из другого детского дома. Это обязательно нужно для дела, ведь он здесь за все отвечает, и ему никак нельзя давать слабину себе ни на минуту.

В вагоне-столовой всем управляла Горошина Тамара Петровна, пожилая женщина, ну никак не похожая на повара. Это была не розовощекая улыбчивая толстушка с ямочками на щечках, а сутулая, худая изможденная женщина с грустными глазами. Егор Кузьмич знал ей цену. Она из скудного запаса провианта каждый день умудрялась кормить детей, ну хотя бы раз в день горячим супом. А какой плов делала из перловки! Солдаты одной из воинских частей отдали им мешок перловки и десять банок тушенки. Как она радовалась! Несколько раз умудрилась накормить всех помимо супа еще и пловом. Плов получился наваристым, все зернышки перловки набухли, напитались жиром и пахли мясом. Порции плова были большие, все ребята тогда наелись досыта.

У нее было три помощницы – три сестры, три молодых поваренка, которым она много что могла доверить. Юля, Оля и Света Токаревы – милые девчущки, которые учились у нее всему – как экономить продукты, вкусно варить, чисто убирать. Они сами были воспитанницами их детского дома, закончив школу еще до войны, выучились на поваров, пришли на практику в свой родной детский дом, да так и остались с Тамарой Петровной. В прошлом году они завели огород, чтобы была своя морковь и картошка. Огород разросся, старшие ребята и воспитатели с удовольствием возились в земле. В этом году весной посадили вишню и черную смородину, по осени хотели посадить яблони, много яблонь, чтобы не выдавать по одному яблоку за обедом, а чтобы было их вдоволь, сколько хочешь. «Именно сестры придумали кроме огорода посадить и сад, - с улыбкой подумал Егор Кузьмич, - все война испортила, все пошло не так, как мечталось».

Тамара Петровна и Юля чистили картошку, Оля и Света вместе с другими двумя женщинами раскладывали мешки, коробки, утварь.

- Ой, Егор Кузьмич, проходите! – звонко крикнула Света, - мы обустроиваемся.

- Здравствуйте, здравствуйте! Помощь нужна?

- Да мы почти все уже сделали. Егор Кузьмич, это Надежда Борисовна и Татьяна Викторовна, повара из 40 детского дома.

Егор Кузьмич внимательно разглядывал новые лица: «Добродушные, шустрые, в глаза смотрят прямо, та, которая повыше, Татьяна Викторовна, улыбчивая, видно, что детей любит. Надежда Борисовна, посдержаннее, но тоже хорошая, - решил Егор Кузьмич, - Видно все же мамини гены сказываются, все хорошие у меня», - внутренне улыбаясь, подумал он.

Потом они долго беседовали, планировали, как им сэкономить питание, где запастись углем, чтобы хотя бы раз в день топить печь и варить горячую похлебку детям. Он вроде запротестовал от слова «похлебка», но Тамара Петровна ему сказала, что они будут варить жидкое второе, чтобы больше еды получилось, и чтобы дети ели именно еду с бульоном, так как это полезно для их желудков. На их главный вопрос: «Сколько будут добираться до места?» - у Егора Кузьмича не было ответа, он думал, что недели две, поварам сказал, что месяц, чтобы тратили продукты экономно.

Придя к себе в купе, он еще раз решил все обдумать. Путь их был неблизкий – до станицы Чамлыкская Краснодарского края. В Краснодаре их должны встречать на перроне и отвезти в станицу, это недалеко, в двадцати километрах от города. Разместятся они в бывшем санатории железнодорожников. Санаторий большой современный, в нем хорошая лечебная база. Рядом госпиталь, по задумке - дети будут туда ходить, помогать раненым, выступать с концертами. Продуктов им, если экономно, хватит месяца на два, летом в Краснодаре легко будет посадить огород, может заведут какую живность, старшие дети будут помогать, должны выжить. Пугало только то, что он видел вот уже несколько часов за окнами. Горе, огромное горе, которое текло вместе с людьми, выплескивалось за края, подбиралось, колыхалось и опять текло. Кругом страна двигалась, все с узлами, малыми ребятами, на подводах, пешком, все куда-то ехали, оставив теплый дом, печку, погреб, пахнувший квашеной капустой.

Егор Кузьмич в 1938 году был в Германии, в составе советской делегации. Он хорошо помнил свой восторг особенно от туалетной комнаты немцев. Светлый кафель, белый унитаз, большая ванная, шторка, чтобы не было брызг на полу, как он потом догадался. А как вкусно пахло мыло. Он дома видел только черное хозяйственное мыло, всегда одинаково пахнущее. А тут, такое красивое и ароматное, как пирожное из кондитерской.

Кругом в любом немецком доме было уютно, красиво и очень богато. В любом доме. И один вопрос сверлил его мозг: «Зачем фашисты пошли на его страну? Променили свои чистые туалеты на наши уборные, фарфоровые чашки на алюминиевые кружки? Зачем? Нам хорошо в своей стране, мы только счастливо начали строить нашу новую социально справедливую жизнь, никого сюда не звали». И, глядя на людей, которых он видел за окнами своего вагона, он думал, сколько их останется в живых после окончания войны. Сколько?

Глава 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.